

Варвара Жданова

«Мне по картам выходило одно...»

Тема «Пиковой дамы» в произведениях М.А. Булгакова 1920-х годов

К лету 1929 года все спектакли по булгаковским пьесам сняты с репертуара. Из письма Булгакова брату Николаю от 24 августа 1929 года:

«Вокруг меня уже ползет змейкой темный слух о том, что я обречен во всех смыслах.

...Игру можно считать оконченной, колоду складывать, свечи тушить».

В письме к Вересаеву (от 22 июля 1931 года) Булгаков вспоминал:

«В тот темный год... я был раздавлен и мне по картам выходило одно — поставить точку, выстрелив в себя...»

В октябре-декабре 1929 года Булгаков пишет пьесу «Кабала святош» («Мольер»). Мольер затравлен черной кабалой ханжей при попустительстве бездушного короля. Король ведет с Мольером нечестную шулерскую игру. В одной из сцен Людовик как бы учится приемам карточного шулера.

«Людовик. Вы пришли ко мне играть краплеными картами?

Де Лессак. Так точно, ваше величество. Обнищание моего имения...

Людовик (Де Лессаку). А скажите, как это делается?

Де Лессак. Ногтем, ваше величество. На дамах, например, я нулики поставил.

Людовик (с любопытством). А на валетах?

Де Лессак. Косые крестики, сир.

Людовик. Чрезвычайно любопытно».

В это черное время отчаявшийся Булгаков мог бы вслед за полубезумным оперным Германом воскликнуть: «Что наша жизнь – игра!»

Темы карт и карточной игры, игры случая, выигрыша и проигрыша на страницах булгаковских произведений нередко восходят к «Пиковой даме».

Причем, Булгакову одинаково дорога опера Чайковского и пушкинский оригинал.

В фельетоне «Счастливчик» (1924) скромный железнодорожник выигрывает в лотерею.

Фельетону предпослан эпиграф:

«Выиграл! Выиграл!

Вот счастливец...

Он всегда выигрывает».

Булгаков невысоко оценивал образовательный уровень читателя «Гудка», и потому источник эпиграфа указывает иронически: «из песни».

На самом деле, цитируется, конечно, либретто «Пиковой дамы»:

«Герман

Выиграла!

Хор

Он выиграл! Вот счастливец!».

Судьба перехитрила скромного железнодорожника (она обманывает и Германа). Он выиграл полуслепую, хромую, совершенно ненужную ему лошадь.

Как бы в скобках, отметим второе сюжетное совпадение рассказов Булгакова и Аверченко. В одном из дореволюционных рассказов Аверченко скромный служащий выигрывает в лотерею корову. Оба героя не знают, что делать с выигрышем (бросить жалко, поселить негде). Обоих выгоняют из дома, оба ссорятся со своими половинами. У рассказа Аверченко, на наш взгляд, более удачное название — «Роковой выигрыш».

«Бубновая история» (1926) — рассказ о том, как провинциальный инкассатор сделался растратчиком, столичная жизнь довела его до тюрьмы («бубновых тузов» на спине). Карточная тема всплывает уже в названии.

Инкассатора искушает, соблазняет и губит сама Пиковая Дама, принявшая вид уличной дамочки:

«— ...А какая у вас шапочка очаровательная! Это что вышито на ней?

— Карты. Тройка, семерка, туз».

Затем герой отправляется в казино, где довершается его гибель.

«Черные косяки мелькали перед глазами у Мохрикова и изредка прерывались черными полосками, похожими на змей; когда же он взвел глаза на потолок, ему показалось, что тот, как звездами, усеян бубновыми тузами».

«Чекалинский стал метать, руки его тряслись. Направо легла дама, налево туз.

— Туз выиграл! — сказал Герман и открыл свою карту.

— Дама ваша убита, — сказал ласково Чекалинский. Герман вздрогнул: в самом деле, вместо туза у него стояла пиковая дама. Он не верил своим глазам, не понимая, как мог он обдернуться.

Напомним о разнице между пушкинским ограниченным Германном и романтическим героем оперы. Аккуратный и расчетливый инкассатор ближе к Германну повести.

Образы, отсылающие к «Пиковой даме» находим в «Зойкиной квартире». Расчетливый авантюрист Аметистов, Зойка, владеющая каким-то чертовым секретом преуспевания, пародируют Германна и старую графиню. Аметистов, как и Германн, «человек судьбы».

«Аметистов. ...Я, Зоя Денисовна, человек порядочный. Джентельмен, как говорится. И, будь я не я, если я не пойду и не донесу в Гепеу о том, что ты организуешь в своей уютной квартирке. Я, дорогая Зоя Денисовна, все слышал!

Зоя. Судьба — это ты!»

Аметистов — карточный шулер.

«Зоя. Но в квартире мне о картах не будет и речи. Понял?

Аметистов. Что она делает, товарищи? Зоя, это не марксистский подход! Ведь у тебя ж карточная квартира...

Зоя. Карт не будет.

Аметистов. Эх!»

Германн играет в фараон. Фараон — любимая игра Аметистова.

«Оболянинов. Много вспомнилось. У меня была лошадь Фараон... У меня тоска.

Аметистов. Вообразите, у меня тоже. Почему, неизвестно! Предчувствия какие-то. От тоски карты помогают хорошо.

Обольянинов. Я не люблю карт, я люблю лошадей. Фараон. В тринадцатом году в Петербурге он взял гран-при. Напоминают мне они...

Голос глухо поет: «Напоминают мне оне...»

Камзол красный, рукава желтые, черная перевязь... Фараон.

Аметистов. Я любил заложить фараон. Пойдет партнер углами гнуть, вы батюшка, холодным потом обольетесь, но уж как срежете ему карточку на полном ходу, и ляжет она как подкошенная! Хлоп, как серпом! Аллилуя, что ли, меня расстроил... Эх, убраться бы из Москвы поскорей!

Обольянинов. Да, поскорей. Я не могу здесь больше жить».

Булгаков писал об Аметистове: «При всех его отрицательных качествах, почему-то обладает необыкновенной привлекательностью, легко сходится с людьми... Абольянинов почему-то к нему очень привязался».

Привязанность «бывшего графа» Абольянинова к Аметистову можно объяснить тем, что оба героя пародируют один прообраз. Но Абольянинов с его романтической обреченностью, ближе к Герману оперному.

Одну из «работниц» зойкиной мастерской зовут Лизанька (именно такая старинная уменьшительная форма имени). Один из ее клиентов — «Поэт», «Поэт» — далеко не Пушкин, Лизанька — уже не чистый ангел.

Изменилось время, переродились и пушкинские герои...

Мотив «Пиковой дамы» ясно улавливается в следующих произведениях Булгакова середины 20-х годов: «Часы жизни и смерти» (1924), «Роковые яйца» (1925), «Собачье сердце» (1925), «Бег» (1926—28).

Эпиграф к сну седьмому, действию пятому «Бега» взят из оперы: «Три карты, три карты, три карты». В этой картине (сне) генерал Чарнота выигрывает огромные деньги в карты.

Когда-то Чарнота проиграл бой Буденному, потому что был занят картами. Теперь карты «восполняют ущерб».

«Сели в Курчулане в карты играть с Крапчиковым, шесть без козырей...
Слышу пулеметы, Буденный свалился с небес!»

Мотив выигрыша и проигрыша сопровождает «Бег». Белые делают главную ставку и проигрывают.

Из позднего варианта финала:

«Чарнота (Хлудову). Больше ничего не будет. Империю Российскую ты проиграл».

Командир гусарского полка у белых Де Бризар, выполняя задание командования (хитро придуманный маневр, фокус, чтобы отвлечь красных) получает контузию, сходит с ума и на протяжении всех своих последующих появлений на сцене напевает одну строчку из оперы «Пиковая дама»:

«Графиня, ценой одного рандеву».

«Бег» — пьеса про обреченных, в жизнь которых ворвался хаос. Судьба против них и повернуть ее с помощью фокуса нельзя, это заблуждение, дорого стоившее пушкинскому Германну и булгаковскому Де Бризару. Таким образом, в «Беге» оказывается свой Германн, вернее Герман, потому что Де Бризар ближе к романтическому герою оперы.

В «Беге» нет старухи-графини, которой судьба вручает три карты, «ключ к изменению течения бытия». Но судьба здесь явно на стороне красных, и, видимо, в их среде и находится человек, владеющий ключом, благодаря которому осуществляется прорыв хаоса.

В «Роковых яйцах» и «Собачьем сердце» есть игра случая, и мотив «Пиковой дамы» заявляет о себе.

Прежде всего, появляется обладатель «ключа к изменению течения бытия» (образ параллельный пушкинской графине). Это профессор Персиков («Роковые яйца») и профессор Преображенский («Собачье сердце»). Заметим отличие между образами двух профессоров. По степени консерватизма, антипатии к пролетариату Преображенский превосходит Персикова.

Персиков и Преображенский совершают открытия (причем в тексте подчеркивается, что случайно, по воле судьбы, доверившей им это), заставляющие жизнь идти по иным законам.

В «Роковых яйцах» и «Собачьем сердце» — «ключ к изменению течения бытия» — это внезапное научное открытие. Как и в «Беге», этот ключ отпирает дверь, в которую врывается хаос.

Сам хранитель секрета, ключа, оказывается заложником. Его бытие постепенно разрушается выпущенными на волю деструктивными силами. Вспомним хаос в квартире Преображенского, задерганного и измученного Персикова. В конце концов, хаос сметает Персикова, он умирает, растерзанный толпой, считающей профессора причиной бедствий, обрушившихся на Москву. Преображенский спасает себя, в его доме вновь воцаряется покой. Преображенский философски обосновывает свое решение:

«— ...Зачем нужно искусственно фабриковать Спиноз... Человечество само заботится об этом и в эволюционном порядке каждый год... создает десятками выдающихся гениев, украшающих земной шар».

Преображенский отказывается от изменения течения бытия, революции в пользу эволюции. Сам автор «Собачьего сердца», хоть и менее консервативный, чем его герой, в одном из писем к правительству так же говорит об «излюбленной и Великой Эволюции» и о своем «глубоком скептицизме в отношении революционного процесса».

Булгаковский Рокк — слепое орудие судьбы, рока.

Рокк — директор совхоза «Красный луч», бывший флейтист, проникновенно наигрывающий дуэт Лизы и Полины из «Пиковой дамы». Он хочет устроить в колхозе инкубатор при помощи «красного луча» добытого у Персикова хитростью и настойчивостью. Подобно Германну он стремится выведать секрет, вырвать «революционный» ключ из рук хранителя. Но случай вновь вступает в свои права. Вместо ящика с куриными яйцами Рокку присылают ящик с яйцами змей, крокодилов, страусов. Благодаря «лучу жизни», все эти

тропические «гады» вылупливаются и вырастают до огромных размеров, начинают пожирать людей. Рокк сходит с ума (как и пушкинский Германн). Пушкинский Германн похож на Наполеона. Бонапартовская воинственность проскальзывает в облике Рокка:

«Нужна была именно революция, чтобы вполне выявить Александра Семеновича. Выяснилось, что этот человек положительно велик». «В 1919 году этот человек был бы совершенно уместен на улицах столицы... На вошедшем была кожаная двубортная куртка, зеленые штаны... на боку огромный старой конструкции пистолет «маузер» в желтой битой кобуре».

И Германн пушкинской повести, и, особенно, Герман оперы — натуры демонические.

«— А вы знаете, Александр Семенович, — сказала Дуня, улыбаясь, — мужики в Концовке говорили, что вы антихрист...»

Тема карточной игры заявлена в «Роковых яйцах». По рядам красной конницы, присланной для борьбы с «гадами», «разливалось глухое и щиплющее сердце пение:

...Ни туз, ни дама, ни валет,
Побьем мы гадов, без сомненья,

Четыре сбоку — ваших нет..»

Булгаков едко пародирует «Интернационал»:

Никто не даст нам избавленья,
Ни бог, ни царь и не герой.
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

Явились люди, не верящие не только в божественное предопределение, но даже не признающие за судьбой секрета преобразования мира. И что же? Они терпят поражение.

«Конная армия под Можайском, потерявшая три четверти своего состава, начала изнемогать, и газовые эскадрильи не могли остановить движения мерзких пресмыкающихся, полукольцом заходивших с запада, юго-запада и юга по направлению к Москве».

Последняя глава повести называется «Морозный бог на машине». Как в средневековых мистериях Бог появляется в конце действия и чудесным образом наводит порядок, вернув все «на круги своя»:

«В ночь с 19-го на 20-е августа 1928 года упал неслыханный, никем из старожилов никогда еще не отмеченный, мороз...

Двух суток по 18 градусов не выдержали омерзительные стаи... биться больше было не с кем. Беда кончилась.

А весной 29-го года опять затанцевала, загорелась и завертелась огнями Москва... и над шапкою храма Христа висел, как на ниточке, лунный серп».

Подобным образом Бог обнаруживает свое присутствие в «Беге».

«Случился зверский, непонятный в начале ноября месяца в Крыму мороз. Сковал Сиваш, Чонгар, Перекоп и эту станцию».

Небеса отвернулись от белых.

«Хлудов. Сиваш, Сиваш заморозил Господь Бог. Фрунзе по Сивашу как по паркету прошел! Видно, Бог от нас отступился. Георгий-то Победоносец смеется!»

Вновь о заложниках стихии — Персикове и Преображенском. Почти каждый исследователь Булгакова усматривал сходство Преображенского и, в особенности, Персикова (авторов открытий, изменяющих картину бытия) с В.И. Лениным (главным преобразователем жизни России).

В архиве Булгакова сохранились газетные вырезки правительственных сообщений о состоянии здоровья Ленина. 14 марта 1923 года:

«После двухмесячной работы у Владимира Ильича вновь стали обнаруживаться симптомы переутомления. По указанию врачей и настоянию ближайших друзей, Владимир Ильич вынужден был в половине декабря снова временно

отойти от руководства делами Советской республики. Врачи считали необходимым полный и безусловный отдых, даже с отказом от чтения газет». Из подобных сообщений выносится уверенность в том, что Ленин не только не управляет революционным процессом, находится на положении заложника революции, им же затеянной.

Говоря о «Беге», мы заметили, что в среде большевиков, по Булгакову, находится своеобразная «старая графиня», хранительница тайны, ключа, открывающего дверь навстречу революционному хаосу.

В конце января 1924 года Булгаков написал репортаж о похоронах Ленина для газеты «Гудок» «Часы жизни и смерти».

По нашему мнению, в репортаже Булгаков использует мотив «Пиковой дамы». Здесь — своя мертвая графиня, владевшая тайной преобразования мира. И Лиза, которой стало плохо у гроба.

У Булгакова:

«Лежит в гробу на красном постаменте человек. Он желт восковой желтизной, а бугры лба его лысой головы круты. Он молчит, но лицо его мудро, важно и спокойно. Он мертвый. Серый пиджак на нем, на сером красное пятно — орден Знамени. Знамена на стенах белого зала в шашку — черные, красные, черные, красные».

У Пушкина:

«Мертвая старуха сидела окаменев; лицо ее выражало глубокое спокойствие...

Церковь была полна. Гроб стоял на богатом катафалке под бархатным балдахинном. Усопшая лежала в нем с руками, сложенными на груди, в кружевном чепце и белом атласном платье. Кругом стояли ее домашние: слуги в черных кафтанах с гербовыми лентами на плече и со свечами в руках; родственники в глубоком трауре, — дети, внуки и правнуки».

У Булгакова:

«Уходит, уходит река. Белые залы, красный ковер, огни. Стоят красноармейцы, смотрят сурово.

— Лиза, не плачь. Не плачь... Лиза...

— Воды, воды дайте ей!

— Санитара пропустите, товарищи!»

Далее у Пушкина в сцене похорон графини:

«В то же самое время Лизавету Ивановну вынесли в обмороке на паперть.

Этот эпизод возмутил на несколько минут торжественность мрачного обряда.

Между посетителями поднялся глухой ропот...»

Потрясает изобразительный талант Булгакова, сам строй его речи напоминает пушкинскую, мастерски воссоздана цветовая гамма в сцене похорон.

Возможно, мотив «Пиковой дамы» возник в репортаже подсознательно. В репортаже появляется Лиза, одна из любимых Булгаковым пушкинских героинь.

Не стоит искать в рассказе пародийный оттенок. Смерть Ленина, по мнению автора — перелом в судьбе человечества: «К этому гробу будут ходить четыре дня по лютому морозу в Москве, а потом в течение веков по дальним караванным дорогам желтых пустынь земного шара, там, где некогда, еще при рождении человечества, над его колыбелью ходила бессменная звезда».

Значительны заключительные фразы репортажа:

«Огни из машины на ходу бьют взрывами. Ударят в лицо — погаснут.

— Эй! Эгей! Берегись! Берегись! Машина раздавит. Берегись!»

Здесь машине уподоблена судьба. Действие механизма судьбы страшит человека, непонятно ему. Механизмом судьбы легко управляет только Бог.

Вспомним «Морозного бога на машине» из «Роковых яиц».

Известно, что сожженный в 1930 году «роман о дьяволе» назывался «Копыто инженера». Почему дьявол инженер?

Не потому ли, что инженер разбирается в устройстве машин, а инженер-дьявол вмешивается в механизм судьбы?

Примечание. Статья была опубликована издательством LAP Lambert Academic Publishing в составе монографии В.Ждановой «Служение и венец. Пушкин в творчестве М. Булгакова».